
ЮЛИЯ ЛЯЛИНА
МАГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
Альмагии
Эшлинг

New Adult. Фейри. Жестокие и прекрасные

Юлия Лялина

Магические изыскания Альмагии Эшлинг

«Эксмо»
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лялина Ю.

Магические изыскания Альмагии Эшлинг / Ю. Лялина — «Эксмо», 2024 — (New Adult. Фейри. Жестокие и прекрасные)

ISBN 978-5-04-208338-9

Магия всегда найдёт себе путь. Её можно ослабить, можно спрятать – но нельзя скрыть навеки. После смерти отца, впустую посвятившего колдовской науке всю жизнь, Альмагия Эшлинг обретает странный колокольчик и нежданный талант. Теперь её путь лежит в столицу, где заседает клуб магов. Она надеется найти единомышленников в мире, где волшебство считается сугубо мужским делом, и разгадать загадки собственной семьи. Однако не все секреты хотят быть раскрытыми, а за приключениями юной Альмы кто-то пристально наблюдает… Захватывающая история о коварных фейри, опасных сделках и магии в альтернативной Англии времен королевы Виктории. Увлекательный детектив с семейными тайнами и старинными артефактами, которые не то, чем кажутся на первый взгляд. Красивое оформление обложки от известного художника Soma.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208338-9

© Лялина Ю., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава I, 6
Глава II, 13
Глава III, 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Юлия Лялина
Магические изыскания Альмагии Эшлинг

© Лялина Ю., текст, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава I,
в которой возвращается магия

О господине Эшлинге никто не говорил дурного – как, впрочем, и доброго. Живи он в столице – пожалуй, прослыл бы чудаком; но господин Эшлинг, на своё счастье, жил в шести днях пути оттуда, в родовом поместье «Тёмные Тисы» близ городка Грумблон, и по меркам тамошних обывателей, его состояние было достаточным, чтобы он считался не чудаком, а лишь слегка эксцентричным.

Хотя едва ли господин Эшлинг когда-либо задумывался о такой банальности, как счастье. Да и где жить, ему по большому счёту было всё равно: где угодно, лишь бы он был хозяином дома и имел возможность беспрепятственно заниматься магией.

* * *

Ещё каких-то полвека назад магия считалась «бабушкиными сказками», наивными нелепицами, годными лишь для увеселения – или устрашения – детворы, и заводить о ней разговор в приличном обществе было не принято даже после пары бокалов горячительного, употреблённых в компании единомышленников.

Но одним промозглым октябрьским вечером члены мужского клуба «Абельвиро» позволили себе чуть больше спиртного и чуть меньше сдержанности, чем обычно.

Кто из них первым дерзнул упомянуть магию? Кажется, смешливый Джонатан Уилкомби – да, наверняка это был он, уж ему-то было не занимать сообразительности и смелости. Так вот, молодой господин Уилкомби, заскучав от пошедших на третий круг жалоб, вызванных урезанием содержания и прочими попытками достопочтенных родственников приструнить своих сыновей, внуков и племянников, вдруг заговорщически подмигнул господину в соседнем кресле, своему давнему приятелю Терренсу Дирфуссу, и спросил, как бы между прочим и приватно, но в то же время с расчётом быть услышанным всеми:

– Кстати, видел тебя давеча у шатра Безумной Нэн. Неужто ты всё же решился потратить монету-другую на её предсказания или побрякушки?

Господин Дирфусс уподобился факелу – вспыхнул всем веснушчатым лицом, до корней ярко-рыжих волос:

– Н-нет! Ты, должно быть, меня с кем-то спутал, я не верю в эти бредни!..

Размеренный гул бесед, изредка прерываемый восклицаниями, фырканьем или смешками, утих настолько, что стали явственно слышны треск поленьев в камине и строгое тиканье напольных часов, отсчитывавших время заседаний клуба с самого его основания.

Господин Уилкомби, убедившись, что очутился в центре внимания, принял торжественный вид магистра, выступавшего перед непосвящёнными. Однако напускная серьёзность была неспособна скрыть озорные искры предвкушения, плясавшие в его глазах:

– А я вот, кажется, готов поверить. Во всяком случае… – его рука нырнула за пазуху и выудила потрёпанную книжицу размером едва ли с четверть писчего листа, – …кое-какие фокусы из этого «дневника чародея», давеча приобретённого мною у Нэн, взаправду работают.

Безумная Нэн, или, как она называла сама себя, Всезрящая Госпожа Нэниэлль, появилась в столичном Денлене на исходе лета: раскинула шатёр, почти целиком состоявший из дыр и заплат, прямо на рыночной площади, заняв место торговца глиняными горшками. Торговец предпринял попытку отвоевать свой клочок земли, но Нэн… Если держаться приличий и не вдаваться в подробности, можно сказать так: Нэн устроила такое, что торговец горшками

предпочёл как можно скорее убраться подобру-поздорову, перевязав кровоточащие царапины и бормоча себе под нос что-то про полоумную ведьму.

Торговец горшками ошибся: ведьмой Нэн не была. Пусть и отчаянно желала быть. Для неё обветшавшие предания, наставительные присказки, никем не воспринимаемые всерьёз «бабушкины сказки» были весомее, чем королевский указ, реальнее, чем отражение в мутном осколке зеркала, любимее, чем отец и мать – которых она, впрочем, не помнила.

Не помнила Нэн и саму себя – или не хотела признаваться в своём истинном происхождении: все попытки кухарок-покупательниц, задиристых бродяжек и даже городских стражников разузнать, кто она, наталкивались на один и тот же ответ: «Всезрящая Госпожа Нэниэлль, последняя ученица детей леса, наследница священных тайн чародейства».

– Гадалка, штоль? – смекнула торговка резными ложками, которая была родом из тех мест, где старики ещё почти не шутя рассказывали внукам и правнукам про подменышей, про сон-цветы, про танцы невидимок…

– Лучшая из лучших, – царственно кивнула Нэн и одарила торговку беззубой улыбкой.

Однако единственным, что Нэн удавалось правильно нагадать, оставалась дурная погода (и потому Нэн для верности сулила ненастье всем немногочисленным посетителям, встречая их пасмурным пророчеством вместо приветствия); а единственным чудом, которое можно было бы ей приписать, оказалось хорошее настроение начальника стражи, уберёгшее Нэн от незавидной участи и позволившее остаться на рыночной площади – диковинкой и посмешищем одновременно.

Любая диковинка притягивает внимание – благосклонное или не очень. Любое отступление от заведённого порядка будоражит любопытство. Особенно подвержены любопытству люди, ещё не вошедшие в зрелые лета и имеющие в своём распоряжении излишек свободного времени. Иными словами, слухи о Нэн дошли и до членов клуба «Абельвиро» – респектабельных настолько, что никто из них не позволял себе упоминать имя Нэн вслух, и любопытных настолько, что некоторые из них решились увидеть знаменитую Безумную Нэн собственными глазами. В числе решившихся оказались господин Уилкомби и господин Дирфусс – с каким бы жаром последний ни отрицал интерес к «этим бредням».

Увы, «бредни» были самым подходящим описанием для речей Нэн: разум давно покинул её – а магии в ней и вовсе отродясь не бывало. Однако помрачение не помешало – а может, даже помогло – где-то раздобыть её сокровища. Отрадой и гордостью Нэн были засаленные гадальные карты, талисманы (потрескавшиеся кристаллы, ранее бывшие подвесками люстр или чем-то в том же духе), шкуры магических тварей (при ближайшем рассмотрении оказавшиеся обычной змеиной кожей, пучком сорочьих перьев и неправильно снятой – скорее, неумело ободранной – шкуркой крысы, уже очевидно, подгнившей), сакральные манускрипты…

Собственно, манускрипт – или хоть что-то отдалённо похожее на таковой – был один, та самая потрёпанная книжица, которую с гордостью продемонстрировал товарищам господин Уилкомби. Вторым «манускриптом» был сложенный вдвое писчий лист, на котором прыгали, извивались и врезались друг в друга абсолютно бессмысленные строчки – возможно, написанные самой Нэн, если только она была обучена грамоте, в чём при виде неё усомнился бы любой здравомыслящий человек.

Выпуклые глаза Безумной Нэн силились разглядеть грядущее, но не могли разглядеть даже настоящее. И всё же кое в чём она проявила больше зоркости, нежели многие до неё: один из её товаров взаправду хранил на себе отпечаток магии – запретной, забытой, покинувшей людей много поколений назад.

Возможно, товар счастливо избегнул уничтожения потому, что был сущей безделицей – по меркам тех, в чьих телах магия текла как кровь. Возможно, его просто не заметили: корчуя деревья, немудрено пропустить чахлый росток. Так или иначе, он уцелел, неведомыми путями

попал в скрюченные руки Безумной Нэн, а от неё за пару серебряных монет перешёл в распоряжение господина Уилкомби.

Того господина Уилкомби, который не верил в чудеса – но так хотел поверить. Книжица бросила ему вызов: он не понимал в ней ни строчки. Хотя все буквы и даже слова казались знакомыми, смысл написанного ускользал, как дразнящий болотный огонёк, утекал, как вода сквозь пальцы. Однако каким-то чутьём, которое столько раз помогало ему заключать выигрышные пари и выходить сухим из воды, господин Уилкомби сознавал, что перед ним не бессмысленные каракули, а наоборот – больший смысл, чем он пока был способен постичь. Книжица превратилась для господина Уилкомби из пустой забавы в любимое увлечение, а затем едва ли не в одержимость. Бессонные ночи, смелые догадки и обескураживающие провалы, ворох исписанной бумаги – того количества листов хватило бы, чтобы переписать на них всю книжицу десять раз, от первой буквы до последней точки… Это была дуэль с неизвестным автором, который ходил по земле в те времена, когда старейший из ныне живущих представителей рода Уилкомби ещё не появился на свет.

Мало обладать острым умом – в придачу недурно бы иметь непоколебимое упорство. Господин Уилкомби был щедро одарён и тем, и другим. Он совершил чудо – нашёл смысл в бессмыслице, расшифровал измучивший его текст. А затем совершил новое чудо – одно из тех, которым учила книжица.

И вот в полутёмной, освещаемой лишь камином, свечами да огоньками сигар и курительных трубок зале мужского клуба «Абельвиро» господин Уилкомби поднялся из кресла, окинул взглядом присутствующих, поднял руку, успокаивая недоверчивый, восторженный, издевательский гвалт других господ. И во всеуслышание заявил, что готов сотворить волшебство – прямо здесь, прямо сейчас.

Повисла тишина. Но лишь на секунду.

– Превратись в крысу! – выкрикнул господин Дирфусс, всё ещё уязвлённый раскрытием тайны его визита к Безумной Нэн.

– Построй дворец за одну ночь! И подари его мне, – хохотнул господин Рондо, во всей наружности которого не было ни единого острого угла; у него даже голос был каким-то округлым.

– Глупости это всё, – проворчал господин Гаммль, который в свои неполные тридцать лет казался вдвое старше. – И вы, господа, не лучше. Как не стыдно потакать дурачествам?

– А ты можешь?.. – начал было тщедушный господин Форта, но договорить ему не дали.

Господин Уилкомби вновь поднял руку – уже не успокаивающе, а повелительно. В нём как будто прибавилось росту. Господин Уилкомби сейчас был на высоте – и он прекрасно это осознавал.

– Господа, позвольте начать с простого. Дабы не напугать никого из многоуважаемых членов клуба, – крупные зубы господина Уилкомби сверкнули в улыбке. – Итак, прошу внимания. Видите этот бокал, как раз удачно опустевший? Смотрите…

Господин Уилкомби начал нараспев декламировать что-то, что можно было бы принять за детскую считалку – если бы удалось разобрать хоть слово. На последнем слоге голос господина Уилкомби взлетел к потолку залы, к чердаку, к крыше и ещё выше, к хмурому небу; а указательный палец нацелился на бокал в обвинительном жесте. И полумрак сделал отчётливо видимым то, что мог бы скрыть своим сиянием солнечный свет: с указующего перста господина Уилкомби сорвалась тонкая молния и вонзилась в бокал. Дзынь! С громким умирающим звуком бокал распался на множество осколков.

Сгустилось молчание. Господин Уилкомби, будучи полностью удовлетворён результатами выступления, утомлённо выдохнул и потянулся за платком, чтобы промокнуть лоб, на коем выступили капли пота, крупные, как от лихорадки. Остальные члены клуба переводили изумлённый взгляд с осколков бокала на господина Уилкомби, и снова на осколки, и снова на

господина Уилкомби. Подыскивали слова, способные выразить всю гамму завладевших ими чувств, – и не находили.

…А затем как-то все одновременно нашли.

Тем вечером заседание мужского клуба «Абельвиро» продлилось столько, сколько никогда не длилось ни прежде, ни впоследствии. Тем вечером всё изменилось: магия перестала быть сказкой – она стала явью.

* * *

Прошли годы, пролетели десятилетия. Теперь никого было не удивить обсуждением магии – напротив, удивительным было бы ни единого раза не упомянуть её в беседах. О магии говорили так же, как говорят о наводнениях, о королевских указах, о свадьбах и похоронах, – как о чём-то одновременно близком и далёком, несоизмеримо большем, чем одна человеческая жизнь, и способном изменить эту жизнь до неузнаваемости.

Кем стал бы господин Эшлинг, не узнай он о магии ещё в ту благословенную пору, когда носил матросский костюмчик, стрелял из игрушечного ружья, ставил силки для ловли птиц, сбегал от строгого гувернёра на реку купаться и удить рыбу? Как знать. Возможно, он стал бы ещё одним из тех добродушно-скучных землевладельцев, чьей единственной отрадой являются карточные партии с соседями, или охота, или трубочка крепкого табака. Таким же, какими были его отец, и дед, и прадед. Но судьбу господина Эшлинга изменил один потрёпанный газетный лист.

В тот поворотный день господин Эшлинг, пока носивший пристёгнутое к фамилии уточнение «младший», упросил господина Эшлинга-старшего, своего почтенного отца, взять его с собой в Грумблон. Господин Эшлинг-старший собирался туда по делам, связанным с его поместьем «Тёмные Тисы», а заодно намеревался проведать младшую сестру, вышедшую замуж за грумблонского торговца господина Хэндля и минувшей весной подарившую супругу первенца.

Закутанный в батист и кружева кузен мало интересовал господина Эшлинга-младшего. Как и всё семейство Хэндлей в целом. Что было по-настоящему интересным, так это магазин игрушек, расположенный совсем рядом с домом грумблонских родственников. Если только уговорить отца возвращаться чуть иной дорогой…

Однако все игрушки оказались забыты, едва господин Эшлинг-младший, заскучавший в доме Хэндлей, от нечего делать расправил найденную упаковочную бумагу, в роли коей выступал тот самый газетный лист, и медленно, по складам начал читать истёршиеся буквы.

Газету «Вестник Волшебства» учредили и выпускали члены клуба магов «Абельвиро». Председатель клуба господин Уилкомби был по совместительству издателем газеты. В те времена «Вестник Волшебства» ещё не снискал того успеха, каким по праву гордился впоследствии, и иногда бывало, что покупатели, привлечённые ажиотажем, разгоревшимся вокруг магии и всего с нею связанного, оказывались разочарованы и использовали газету не по прямому назначению, силясь извлечь из неё хоть какую-то пользу. Такая судьба, видимо, постигла и газетный номер, обрывок коего с трепетом держал в руках господин Эшлинг-младший: господин Хэндль вёл торговые дела со столицей, и либо он сам, либо кто-то из его помощников додумался сделать из не пригодившейся газеты упаковку. Таким замысловатым путём фрагмент «Вестника Волшебства» попал из столичного Денлена в провинциальный Грумблон и из рук разочарованного покупателя в руки редкого человека, кто способен был увидеть в листе бумаги, помятом и надорванном, подлинное сокровище.

В тот день господин Эшлинг-младший с позволения слегка удивлённого мужа своей тётки осмотрел чуть ли не все свёртки в доме Хэндлей, прибывшие из Денлена. Увы, ни на одном из них не было ни слова про магию, да и вообще каких-либо слов: обычная обёрточная

бумага, где-то грубая, обмотанная такими же грубыми шнурами и противно шуршавшая, где-то гладкая и перевязанная цветными лентами.

Господин Хэндль, заинтересовавшись столь сильной увлечённостью, забрал – не без труда и лишь после клятвенного обещания вернуть вскорости и в целости – у господина Эшлинга-младшего тот самый газетно-обёрточный лист и сам попробовал вчитаться. Уже на второй строчке ему стало непонятно, а на пятой – бесповоротно скучно. Что за белиберда! Но щадя чувства супруги и её племянника, господин Хэндль удержался от высказывания нелестной оценки и похвалил увлечение мальчика столь сложными материями. Тем не менее, как затем и господин Эшлинг-старший, он счёл это кратковременной блажью, свойственной юности погоней за необычным и новомодным, которая через месяц-другой пройдёт сама собой.

…Она не прошла. И не утихла, а наоборот, разгорелась. Единственным подарком, который господин Эшлинг-младший настойчиво просил ко Дню рождения, была подписка на «Вестник Волшебства» – только это, ничего другого, ни набор солдатиков, ни новую удочку не надо, дорогой отец, лучше оформите мне подписку!..

Унаследовав поместье «Тёмные Тисы», господин Эшлинг-теперь-уже-не-младший и вовсе освободился от каких-либо ограничений. Всё время, все силы, все чаяния он посвятил магии. Пока лишь теории, ведь единственная официально известная книга, посредством коей можно было творить волшебство, хранилась у председателя клуба магов «Абельвиро» господина Уилкомби. Прикоснуться к тайнам заветной книги могли сугубо члены клуба. Чтобы получить шанс на вступление в клуб, сперва нужно было удостоиться приглашения на одно из его заседаний, а это господину Эшлингу всё никак не удавалось, несмотря на то что он заваливал редакцию «Вестника Волшебства» письмами с прошениями и статьями собственного авторства, в которых излагал свои гипотезы и изыскания.

Однажды его письмо даже опубликовали! Правда, лишь фрагмент и в не слишком лестном ключе… Постоянный сотрудник «Вестника Волшебства» господин Рондо (племянник и наследник того округлого весельчака, который когда-то в шутку предложил господину Уилкомби возвести дворец за одну ночь) в статье разбирал – или, говоря прямо, высмеивал – «чрезвычайно остроумные идеи, высказываемые провинциальными магами»; досталось от него и господину Эшлингу. Едва господин Эшлинг, листая свежий номер «Вестника Волшебства», дошёл до строк: «…а вот, вот, между прочим, неординарная гипотеза некоего господина А.Э.», как у него перехватило дыхание и быстро-быстро забилось сердце, обычно вялое даже за азартной игрой, даже на охоте, даже в присутствии очаровательнейших из соседок. Это ведь он всегда подписывался «А.Э.», ошибки быть не могло, и далее господин Рондо цитировал его письмо!..

Не сразу до господина Эшлинга дошла едкая суть статьи господина Рондо. А когда оная наконец проникла сквозь радостную взбудораженность, разошедшееся сердце замерло, упало и едва не разбилось. Схожие чувства испытывает пылкий влюблённый, когда осознаёт, что всё минувшее время ветреная красавица не выражала ответную склонность, а лишь забавлялась им.

Но господин Эшлинг был слишком приземлён, чтобы зачахнуть от тоски. И слишком упрям, чтобы сдаться. Темноволосый и темноглазый, кряжистый, как дуб, и такой же непоколебимый, он любое дело доводил до конца, вот и теперь просто решил работать больше.

Да вдобавок, так или иначе, а его письмо опубликовали в «Вестнике Волшебства»! И что бы там этот напыщенный господин Рондо о себе ни возомнил, он не единственный сведущий в магии и не главный среди сведущих. Может быть, однажды с идеями господина Эшлинга ознакомится кто-то способный оценить всё их новаторство, к примеру многоуважаемый господин Уилкомби – или аж сам господин придворный маг…

Господин Эшлинг, вопреки привычке запираться в кабинете и почти не покидать оный, начал путешествовать по окрестностям. Не чтобы наносить визиты соседям, само собой

(соседи прекрасно обходились без него – как и он без них), а чтобы искать магические артефакты.

Давно сделалось очевидным, что раньше магии в Бонегии было больше, она была сильнее, текла бурным потоком, а не жалким ручейком, как ныне. Однако, по невыясненным причинам, магическое искусство было утеряно, забыто. Исчезли записи, пропали инструменты, испарились любые вещественные свидетельства той эпохи, за исключением одной-единственной книжицы. Так отчего бы не поискать утраченное? Уж если члены клуба магов «Абельвиро» не считали ниже собственного достоинства посылать своих людей то в один конец страны, то в другой – в погоню за разными диковинками, о которых шла молва, будто те наделены волшебными свойствами.

Господин Эшлинг никого не посылал – он не мог доверить столь щепетильное дело чурбанам вроде лакея Джилкинса, неспособным отличить бриллиант от хрусталя, не то что магический артефакт от бесполезной побрякушки. Предпочитал всё делать сам: уж он-то знал толк в магии!

Увы, в большинстве случаев к продаже предлагались именно бесполезные побрякушки. А в меньшинстве – откровенный хлам. Господин Эшлинг приобрёл-таки пару безделушек – скорее, не желая возвращаться с пустыми руками, чем испытывая в приобретениях истинную потребность. У себя дома он добросовестно проверил их по всем пунктам, о которых вычитал в «Вестнике Волшебства». Результаты проверки ничем его не порадовали. И безделушки были навеки убраны с глаз долой.

Но и после этой неудачи господин Эшлинг не отчаялся. Он решился на самое дальнее путешествие в своей жизни – на другой конец страны, далеко на север, в край непроходимых лесов и Проклятых гор. Там до сих пор пели песни о лесном народе, там по-прежнему защищали дома и детей оберегами, там, похоже, ни на единый день не прекращали верить в магию.

Однако господина Эшлинга интересовали не песни и не амулеты. Он ехал свататься.

О поселениях близ Проклятых гор шла дурная слава: дети там чаще рождались немощными и чаще умирали, взрослые чаще впадали в помешательство. Случайный гость ощутил бы там одно-единственное желание: как можно скорее уехать прочь.

Впрочем, были и слухи иного толка: о том, что некоторые тамошние рода восходили к великим чародеям прошлого, а может, даже имели в себе каплю крови детей леса.

Одним из таких родов – древним, именитым, но почти угасшим, едва-едва живым, как иссохшее дерево, с трудом способное выпустить по весне хотя бы пару-тройку листьев, – были Моны из поместья «Монлинн». И в семье Монов как раз была девица на выданье – старшая сестра нынешнего хозяина «Монлинна» и последняя, кроме него, представительница семьи госпожа Унельма Мон.

Господин Эшлинг ни разу не видел госпожу Мон прежде, ни во плоти, ни хотя бы на портрете, да и не особо стремился узнать, какова она собой. Не волновали его и слухи о том, что род Монов уже не первый век терзала хворь, из-за каковой он совсем выродился и чуть ли не в каждом поколении приносил нового помешанного. Господина Эшлинга интересовали в госпоже Мон лишь две вещи: её кровь и её приданое.

– Да забирайте! – воскликнул нервически худощавый господин Мон, когда господин Эшлинг озвучил свои притязания.

Как показалось господину Эшлингу, в голосе господина Мона не было ни тени сожалений – напротив, чуть ли не облегчение.

Предметом разговора была фамильная реликвия, последняя драгоценность семьи Монов. Скромный хрустальный колокольчик, по преданию, принадлежал ещё основателю рода, прославившемуся магическим талантом, но жившему так давно, что в памяти потомков сохранилось лишь его имя – Ульма (на взгляд господина Эшлинга, имя было какое-то женственное; впрочем, господин Эшлинг любезно извинил легендарному чародею эту маленькую

странность). Одна беда: колокольчик был сломан, у него отсутствовал язычок. Но господин Эшлинг счёл, что это дело поправимое: сначала надо заполучить колокольчик (с прилагающейся к нему госпожой Мон), а затем уж разбираться в его древней магии.

Господину Эшлингу не послышалось, господин Мон действительно был почти счастлив избавиться от фамильной реликвии: в присутствии немого колокольчика господин Мон сам как будто немел, ему тяжко было даже смотреть на треклятый колокольчик, не то что прикасаться к нему.

Устроить судьбу сестры, всерьёз рисковавшей остаться старой девой, господин Мон тоже был рад. Сватовство господина Эшлинга, о котором Моны до той поры ни разу не слышали, стало неожиданностью – но неожиданностью приятной: господин Эшлинг держал себя как человек честный и респектабельный, его костюм не отличался изяществом, однако выглядел новым и добротным, карманные часы были золотыми, трость была из чёрного дерева с костяным набалдашником. Такой господин мог бы помочь твёрдо встать на ноги госпоже Мон, склонной витать в облаках. Такой господин мог бы позаботиться о ней.

Госпожа Мон, хоть и внимала соображениям брата с привычно отсутствующим выражением лица, услышала их и приняла. Господин Эшлинг был лучшим из всех претендентов на её руку. В том числе потому, что был единственным.

Первым вопросом, который господин Эшлинг задал госпоже Мон, после того как господин Мон представил их друг другу, был: «Как вы относитесь к магии?»

Госпожа Мон в ответ слегка приподняла тонкие брови цвета пшеницы, её устремлённые в неведомую даль серо-голубые глаза вперились в лицо приехавшего за ней господина. С её губ не слетело ни слова, но они неуверенно изогнулись в улыбке. Возможно, брат был прав. Возможно, этот человек – самая подходящая партия для неё.

Как это нередко бывает, после обряда бракосочетания пора надежд сменилась порой разочарований. Госпожа Эшлинг осознала, что муж полностью к ней равнодушен: ему важна была не она сама, а то, что она могла ему дать. Господин Эшлинг, в свою очередь, пришёл к выводу, что «причуды» его жены – обыкновенные рассеянность и шалящие нервы, свойственные женщинам, долгое время лишённым возможности вступить в брак.

Да и хрустальный колокольчик обманул ожидания господина Эшлинга, оказавшись такой же бесполезной побрякушкой, как те, которые он порой покупал, проверял и отправлял в вечную ссылку.

И как будто всего этого было мало, госпожа Эшлинг нанесла господину Эшлингу ещё один удар: ровно через девять месяцев после свадьбы она родила ребёнка – и какого же?! Не мальчика – наследника и будущего мага (всем ведь известно, что склонностями к магии наделены лишь мужчины), а девочку.

Но господин Эшлинг привык стоически встречать разочарования. Если нельзя было обрести желаемое, оставалось лишь приноровиться к имевшемуся. Господин Эшлинг пообещал себе, что обучит дочь всем открывшимся ему премудростям магии – и она, возможно, сумеет-таки стать ему полезной в его изысканиях, хотя бы в качестве секретаря. Тем более что у неё, в отличие от него, потерявшего столько лет впустую, прежде чем он узнал про магию, будет фора: дочь начнёт учиться сразу, с колыбели.

Печатью, скрепившей решение, стало имя: господин Эшлинг нарёк дочь Альмагией.

Глава II,
в которой приходит смерть

– Госпожа Эшлинг, госпожа-а-а Эшлинг!.. – донёсся пронзительный зов откуда-то сзади.

Альма открыла глаза и со вздохом обернулась.

Так и есть, звавшая её девушка показалась на пригорке и, подхватив юбки, поспешила вниз – к плакучей иве, которая склонялась к самой воде и пышной завесой ветвей почти скрывала Альму от остального мира.

Почти.

Альма почему-то любила приходить сюда, под сень дерева, чьи ветви, текуче колыхавшиеся от дуновений ветра, напоминали водоросли, колеблемые потоками воды. Здесь было прохладно, тихо, спокойно – так и тянуло задремать. И Альма дремала. А на границе сна и яви, сплетаясь из шёпота ветра, шелеста листвы и плеска волн, ей слышалась колыбельная – тихая, грустная, нежная.

Отец и послушная ему прислуга почему-то не любили приходов Альмы сюда и всячески старались им воспрепятствовать. Некоторое время назад ей вовсе запретили выходить на прогулку далее придомового цветника, и Альма послушно выдержала неделю – а затем пропала.

Водилась за ней такая особенность: вроде бы молодая госпожа постоянно на глазах, вот только что была рядом – и вдруг куда-то запропастилась. Как сквозь землю провалилась.

Поначалу Джулс – та самая гувернантка с пронзительным голосом, совсем юная, лишь парой лет старше Альмы, – в панике бросалась к горничным, к экономке, к садовникам, а както раз, не сумев отыскать подопечную до наступления сумерек, даже решилась постучаться в кабинет господина Эшлинга: быть может, госпожа проводит время с отцом? Предположение абсурдное, учитывая взаимоотношения двух Эшлингов, но ничего лучше бедная сбившаяся с ног Джулс уже не могла измыслить…

– Альмагия, по какой причине ты сбежала от своей гувернантки? – холодно осведомился господин Эшлинг, когда Альма, вдосталь наловив светлячков в банку из-под варенья, вернулась домой как ни в чём не бывало. К тому времени солнце нырнуло за горизонт, и слуги спешно готовили фонари, чтобы броситься во тьму на поиски молодой госпожи.

Альма вздрогнула и крепче прижала к себе банку со светлячками. Пойти гулять в одиночку казалось такой хорошей идеей, Альме всегда было проще одной, чем с кем-то. Но теперь охватили запоздалые сомнения: когда отец называл её полным именем, это не предвещало ничего хорошего. А при взгляде на заплаканную Джулс, смотревшую в пол, тихонько шмыгавшую носом, не решаясь высморкаться и вообще лишний раз пошевелиться из страха перед господином Эшлингом, Альме и вовсе сделалось тоскливо.

После того случая Джулс везде следовала за Альмой по пятам, пасла её, как худосочная овчарка. А пристыженная Альма аж до следующей весны никуда не пропадала.

На самом деле они с Джулс неплохо ладили – даром что Джулс иногда командовала Альмой так, будто была её хозяйкой, а не гувернанткой.

Но вот пришла весна, сквозь белизну проступила зелень, солнце налилось румянцем, расцвели первые, а затем и вторые-третьи-четвёртые цветы, в полях запрыгали пробудившиеся от зимнего сна длинноухие большелапые кролики, птицы принялись выводить свои лучшие рулады… И Альму вновь потянуло прочь из дома, на природу. На свободу. Она хотела пойти куда глаза глядят, сполна насладиться пробудившейся жизнью и спокойным одиночеством. Отчий дом казался темницей: солнечный свет проникал туда неохотно, с усилием; со всех сторон обступали сурово взиравшие портреты, громоздкая мебель, массивные стены; сам воздух там был густым, тяжёлым, давящим.

Молодым госпожам предоставлено немало способов скрасить досуг: устроить чаепитие для фарфоровых кукол, записать новое стихотворение в альбом наперсницы, разучить с кузеном несколько па для танцевального вечера… Достойные занятия, развлекающие многих. Но не Альму. В «Тёмные Тисы» никто не наносил визитов – разве что поверенный, господин Бенго, изредка приезжал по делам. Однако дело было не только в отсутствии гостей. Если бы кто-нибудь спросил Альму, почему она чурается игр, тяготится пребыванием в родном доме, а вместо этого любит бродить по лугам, рощам и речному берегу, казалось, без малейшей цели, то она бы опустила серо-голубые – того невинного оттенка, какой присущ младенцам, – глаза и молча пожала плечами, то ли не желая отвечать, то ли сама не зная ответа.

А вот у кухарки и кой-кого из прачек ответ имелся. Одно слово: подменыш! Прямо этого никто не говорил – по крайней мере, не говорил во весь голос, в присутствии Альмагии Эшлинг и тем паче господина Эшлинга. Но шепотки шуршали: шу-шу-шу, а глаза-то! Шу-шу-шу, а мать-то!

Кстати сказать, собственной заурядностью и рождением девочки госпожа Эшлинг не исчерпала перечень скорбей, которые претерпел от неё господин Эшлинг. Супруга умудрилась подвести его ещё раз – когда умерла.

Госпожа Эшлинг умерла родами – так, не вдаваясь в подробности, объяснили Альме, когда та подросла настолько, чтобы осознать нехватку чего-то – кого-то – очень важного в её жизни и начать задавать вопросы.

Само собой, сиротку жалели все – от дворецкого Одана до конюха Перкса. Все, кроме её собственного отца. Господин Эшлинг ни разу не дал оснований заподозрить в нём тоску из-за безвременной кончины супруги и сострадание к своему единственному ребёнку. Он вёл себя стоически – или, по мнению некоторых, бессердечно. Не испытывал ли он чувств, скрывал ли их? Достоверно было известно одно: господин Эшлинг сделался ещё молчаливее, отгородился от общества и окончательно переселился в кабинет, выходя оттуда до крайности редко.

Как же его планы по обучению дочери магическому искусству? Даже тут злосчастного господина Эшлинга подстерегала неудача. Для начала, он понятия не имел, как обращаться с маленькими детьми. Особенно с девочками. Он попробовал было читать младенцу Альмагии свои научные труды – однако это быстро прискучило им обоим. Няня, почтительно, но непреклонно выпроваживая господина Эшлинга из детской, где неблагодарная Альмагия заходилась плачем после особо мудрёной статьи, которую господин Эшлинг, увлёкшись, принялся читать во весь голос, строго, почти свирепо, как бы нападая на воображаемых оппонентов (особенно на бесчестного господина Рондо!), прошептала, оправдываясь и оправдывая: «Простите мне мои слова, господин, но боюсь, она ещё слишком мала для учёбы…» и тем самым выразила общее мнение всех троих.

Год спустя господин Эшлинг подарил дочери на её второй день рождения ручное зеркало в серебряной оправе – как известно, наипервейшую вещь в арсенале любого мага. Да и для женщин зеркала были практически жизненной необходимостью, не так ли? Альмагия обхватила ручку зеркала как погремушку, встряхнула подарок, убедилась в его полнейшей беззвучности, а следовательно, бесполезности и разочарованно разжала пальчики. Господин Эшлинг, запоздало спохватившись, попытался поймать зеркало у самой земли – но в итоге лишь поранился осколками.

После ещё пары провальных попыток господин Эшлинг уверился, что воспитание ребёнка – сугубо женское дело, и полностью вверил дочь заботам няни, а затем и гувернантки.

Первой гувернанткой Альмы была не веснушчатая резкоголосая Джулс, а почтенная госпожа Эстиминда – высокая, чопорная, со смоляными волосами, в которых уже серебрилась седина, и с крепко сжатыми губами. Она была прямая, как жердь, и такая же тощая. Она обладала всеми знаниями, которые приличествуют госпоже из хорошей семьи, и готова была поделиться ими в обмен на вполне умеренную плату, стол и кров.

Жизнь и время не были милосердны к госпоже Эстиминде, и та, в свою очередь, не была склонна к сантиментам. Каждый день она будила воспитанницу на рассвете, поторапливала с умыванием холодной водой, заблаговременно принесённой в тяжёлом скользком кувшине, помогала девочке привести себя в надлежащий вид, позволяла наскоро утолить голод – и усаживала за массивный стол, на котором уже ждали учебники, бумага, чернильница, писчие перья, промокашка… Всё, что нужно, дабы вложить в голову юной госпожи Эшлинг хоть немножечко толка.

Господин Эшлинг, не до конца утративший надежду хоть как-то приспособить дочь к магической науке, набросал план занятий и приложил необходимые, по его мнению, книги и рукописи. Госпожа Эстиминда с прохладным уважением приняла всё вверенное, в минуты досуга пролистала для ознакомления, громко фыркнула – и убрала с глаз долой. Пожалуй, даже язвительный господин Рондо не был об изысканиях господина Эшлинга столь низкого мнения, какого была господа Эстиминда. Разумеется, ей хватало благовоспитанности и благоразумия держать мнение о нанимателе при себе. Однако учить Альму она взялась не по плану господина Эшлинга, а по своему собственному, помогшему ей взрастить уже дюжину воспитанниц.

Увы, шила в мешке не утаишь. Однажды во время редких минут отвлечения от дел магии господин Эшлинг обратил отеческий взор на дочь и с неприятным изумлением осознал, что его опять подвели. Что госпожа Эстиминда не научила – даже не попыталась! – его Альмагию ничему из того, что он наметил.

Что за разговор произошёл у господина Эшлинга с госпожой Эстиминдой, Альма не знала – беседа велась за закрытыми дверями, а самой Альме было велено пока погулять в цветнике и возвратиться через полчаса. Но девочка покинула дом не сразу; голоса обоих собеседников порой взлетали столь высоко, что суть происходящего она сумела для себя уяснить. И поспешила по обыкновению исчезнуть: ей совсем не хотелось вот-вот столкнуться с разгневанным господином Эшлингом, сердитой госпожой Эстиминдой либо ими обоими.

Когда вернувшаяся Альма поднялась к себе, госпожа Эстиминда заканчивала паковать свой дорожный сундук. Её спина была ещё прямее, чем обычно, а губы сжались в тонкую-тонкую линию. Однако едва госпожа Эстиминда перевела взгляд на Альму, её лицо непривычно смягчилось, в нём стала видна не суровость, а горечь.

– Подойди ко мне, – госпожа Эстиминда поманила Альму и принялась обратно разбирать сундук.

Хотя… Нет. Она извлекла оттуда лишь книги – некоторые из тех, по которым учила воспитанниц, и тех, которые читала сама.

– Возьми хотя бы их – это всё, чем я могу тебе помочь, бедное дитя…

Госпожа Эстиминда резко отвернулась, оставив Альму самостоятельно справляться со всепоглощающим недоумением.

Альме не единожды доводилось слышать слова сочувствия – изредка высказываемые в лицо, чаще выдыхаемые за спиной. Особенно в нежном детстве, когда воспоминания о покойной госпоже Эшлинг и жалость к её осиротевшему ребёнку были ещё свежи, не успели потускнеть, покрыться пылью и уйти в тень забвения, оттеснённые более насущными делами. Но с чего было жалеть Альму сейчас – да вдобавок кому, неизменно твёрдой и сухой почти до треска госпоже Эстиминде!

Может, дело было в сегодняшнем разговоре госпожи Эстиминды с господином Эшлингом? Но судя по всему, отец не сердился на Альму, не собирался запирать её в комнате или каким-либо иным образом наказывать. Его отношение к ней оставалось таким же, каким было всегда. Всё было как обычно. Всё было в порядке. Ведь так?

У Альмы отчего-то защипало в носу – будто она поднесла цветок к самому лицу, чтобы ощутить его аромат, и вместе с ароматом вдохнула едкую пыльцу. Или будто ей вдруг стало грустно. Но ей, не считая очевидно скорого отъезда госпожи Эстиминды, было не о чем гру-

стить: она не терпела нужды, не страдала от хворей – напротив, она была дочерью почтенного господина, была обеспеченной всем необходимым юной госпожой.

Не было оснований испытывать грусть. И всё же грусть нахлынула – не ища оснований, не дожидаясь приглашения.

Альма, сама не зная почему, обхватила в объятии жёсткий узкий стан госпожи Эстиминды, с прерывистым вздохом уткнулась лицом в плотную ткань. И спустя секунду почувствовала, как ей на плечи мягко опустились тяжёлые руки.

Строгая гувернантка никогда не позволяла себе нежностей в отношении воспитанниц, чтобы не баловать их, чтобы приучить их держаться с достоинством в любой ситуации. И всё же сейчас, на прощание, госпожа Эстиминда на краткий миг обняла Альму, разделила с ней незваную грусть.

Воспитанницы госпожи Эстиминды происходили из разных семей, Где-то матери больше интересовались светской жизнью, чем собственными детьми, где-то отцы обделяли родительской любовью дочерей в пользу сыновей, где-то Великое Неведомое благословляло родителей пятью дочерями подряд, и те, подрастая, начинали невольно соперничать между собой… Но нигде ещё на памяти госпожи Эстиминды дочерям не доставались в отцы такие самодуры, собиравшиеся загубить всю их будущность, как господин Эшлинг. Он даже гувернантку для дочери пригласил позже, чем было заведено, словно позабыв об этом родительском долге. А затем, вплоть до минувшего утра, не торопился давать гувернантке расчёт, и его дочь вновь и вновь оттачивала навыки чистописания, выразительного чтения вслух, изъяснения на сидрийском[1], рукоделия, игры на фортепьяно и других школярских добродетелей, хотя по возрасту ей пора было переходить к совсем иным наукам. Юная Альмагия Эшлинг входила в пору, ей пришло время обучаться искусству светской беседы, чуткости к моде, ведению дома, упражняться в бальных танцах, готовиться к дебюту. Госпожа Эстиминда пыталась деликатно поднять эту тему в беседах с господином Эшлингом – когда ей изредка удавалось перехватить его за пределами кабинета. И что же? Господин Эшлинг слышать об этом не желал. Он не приглашал учителей, не устраивал танцевальных вечеров, не выезжал, даже с соседскими семьями прервал сношения. Хуже того, собирался набить голову дочери отборнейшей чушью. И навеки оставить Альмагию томиться без подруг, без кавалеров, без возможностей счастливо устроить жизнь – или хотя бы просто освободиться от полубезумных прожектов отца, не видевшего ценности ни в ком и ни в чём, кроме своей несуразной магии.

Трезвомыслящая госпожа Эстиминда не верила в магию. По крайней мере, не верила, что хоть что-то магическое было присуще господину Эшлингу: если все чародеи были подобны ему, то магии воистину лучше было не существовать! Но под занавес нынешней беседы, когда стало кристально ясно, что госпожу Эстиминду сейчас выставят за дверь без каких-либо рекомендаций, она позволила себе удовольствие пригрозить, что расскажет всем, кто только изъявит готовность слушать, о магических изысканиях господина Эшлинга. Она надеялась, что угроза возымеет действие, однако не догадывалась, что эффект окажется столь сокрушительным. Господин Эшлинг, нелепо булькнув, подавился очередным упрёком и перешёл к запретам, до крайности напоминавшим просьбы.

О, разумеется, этот человек хотел славы! Однако с годами его себялюбивая и неоднократно уязвлённая натура стала опасаться очередной подлости со стороны жестокого мира – господин Эшлинг боялся, что результаты его многолетних исследований кто-то дерзнёт похитить, присвоить себе. И тогда господин Эшлинг потеряет всё!.. Даже подумать страшно.

---

[1] Язык страны, примыкавшей к её родной Бонегии с юга. Ещё одна близкая южная страна – Моанрия – соседствовала с Сидрией, но не с Бонегией, а потому от изучения её витиеватой словесности, более напоминавшей узоры, чем буквы, бонегийское юношество за исключением некоторых молодых господ было счастливо избавлено.

А если среди слушателей госпожи Эстиминды и не сыщется подлеца, способного на похищение, то почти наверняка эта мстительная карга всё переврёт, извратит, представит в наихудшем свете, сделав из господина Эшлинга посмешище. Нет, ничего подобного категорически нельзя было допустить.

В итоге госпожа Эстиминда покинула «Тёмные Тисы» так скоро, как только было возможно в сложившихся обстоятельствах, получив лаконичные, но хвалебные рекомендации и лишившись большей части книг, позволения кому-либо рассказывать о деятельности господина Эшлинга и последней надежды на светлое будущее своей воспитанницы Альмагии Эшлинг.

* * *

Госпожа Эстиминда была умной и опытной наставницей, достаточно повидавшей жизнь. Вне всяких сомнений, её мрачное невысказанное пророчество сбылось бы. Если бы в привычный ход вещей не вмешался случай.

Господин Эшлинг запасся всем необходимым, засучил рукава и взялся за обучение дочери сам, более никому не доверяя эту обязанность. И что же? Его Альмагия была почтительна, была послушна, была старательна: она выполняла все указания, читала многословные фолианты, вычисляла траектории небесных тел, наизусть зубрила собранные господином Эшлингом биографии и труды магов из клуба «Абельвиро», красивым почерком без помарок (госпожа Эстиминда знала своё дело!) переписывала сумбурные, пестревшие правками и кляксами статьи господина Эшлинга. Но всё перечисленное она проделывала чисто механически, как затейливая кукла, внутри которой сжимались-разжимались пружины и вращались шестерёнки. Альмагия читала, писала, вычисляла, заучивала – но в её серо-голубых глазах ни разу не промелькнул хотя бы отблеск интереса, хотя бы бледное подобие той страсти к магии, которая пламенела в душе господина Эшлинга.

Альмагия оказалась такой же, как её мать. Без малейшей склонности к магии. Удручающе заурядной. Подхваченный ветром ивовый листик был ей стократ милее, чем печатный лист свежего выпуска «Вестника Волшебства». Господин Эшлинг мог в поте лица работать у себя в кабинете от рассвета до заката, увлечённый очередной гипотезой, – а она? Дай ей волю, она день-деньской только и делала бы что гуляла, бессмысленно таращась на реку, на деревья и что там у неё ещё.

Несколько лет господин Эшлинг пытался привить дочери вкус к магии. Однако у неё в организме, видимо, попросту не было органа, отвечавшего за этот вкус – и впрямь неординарный, присущий лишь избранным. И господин Эшлинг отступил, не желая более мучить ни дочь, ни себя.

Великое Неведомое не дало ему то, чего он искал, о чём исступлённо молил. Что ж, значит, во всём бескрайнем мире господин Эшлинг был вправе рассчитывать лишь на самого себя.

Он не опустил руки и после этой неудачи. Только стал ещё молчаливее, ещё замкнутее. Ещё усерднее. Все силы души и тела он направил на свой, как он называл его, великий труд – грандиозную монографию, подводившую итоги его исследованиям за минувшие десятилетия. Черновики заполонили стол господина Эшлинга, а уж сколько скомканных листов бумаги оказалось выброшено, сколько писчих перьев оказалось изломано, и вовсе не поддавалось исчислению. Наконец, господин Эшлинг собрал из разрозненных множеств одно целое. Аккуратно переписал – сам, не препоручив работу Альмагии. Сложил в пухлую стопку, упаковал, обвязал шнуром, для верности запечатал сургучом, сделав оттиск фамильным перстнем. Более того – впервые за много лет засобирался в дорогу! Не до столичного Денлена, а лишь до близлежащего Грумблона (передать письмо почтовым службам там было, по его разумению, хоть чуть-

чуть да надёжнее: из рук в руки самому почтмейстеру, да вдобавок аж на полдня пути ближе к столице – к издателям «Вестника Волшебства», к магам из клуба «Абельвиро»!), но всё же для такого домоседа это было большим шагом.

Господин Эшлинг сделал всё от него зависевшее. Всё, что только мог сделать. Далее оставалось запастись терпением и с трепетом, в коем он не признавался никому, даже самому себе, ожидать результатов.

* * *

Господин Эшлинг привык завтракать у себя в кабинете и в тот день не изменил привычке. Однако вскоре после завтрака прибыл свежий выпуск «Вестника Волшебства» – единственный гость, которому хозяин дома всегда был рад, ради которого ненадолго прерывал затворничество, которого выходил встретить на пороге, оказывая ему честь, коей не удостаивался более никто.

В тот день господин Эшлинг не вышел.

Дворецкий Одан самолично понёс газету хозяину. Деликатно кашлянул у порога, мягко взялся за дверную ручку.

Дверь оказалась заперта.

Это тоже было вполне в характере господина Эшлинга: погружаясь в изыскания, он переставал существовать для мира – а мир переставал существовать для него. В часы самой напряжённой работы – чтения чего-то особо важного или написания очередного письма в редакцию «Вестника Волшебства» – господин Эшлинг запирал своё убежище, дабы никто из домочадцев не потревожил его даже мимолётно, ненароком.

Дворецкий выждал приличествовавший срок и повторил попытку.

Дверь всё ещё была заперта. Не открылась она и для принесённого обеда – и вот это было уже непривычно: разумеется, господин Эшлинг ничто не любил так сильно, как магию, – но всё же сытная трапеза была почти столь же любезна его сердцу (или, скорее, желудку).

В нарушение неписаных правил для слуг, было решено постучать. Покричать. А затем – взломать дверь.

В тот день Альмагия Эшлинг осталась круглой сиротой.

Глава III,
в которой «Тёмные Тисы» приоткрывают завесу тайны

Господин Эшлинг умер так же, как жил: отгородившись ото всех, наедине со своей драгоценной магией. Вернее, с мечтой о ней – ведь ни разу, невзирая на все старания, ему не удалось ни увидеть, ни создать ничего хоть сколько-нибудь волшебного. Господин Эшлинг был из тех, кто обречён, изнемогая, вечно бежать за прекрасным миражом – и никогда его не достигнуть.

Свежий выпуск «Вестника Волшебства», как и все прочие, ни единым словом не упомянул великий труд некоего А.Э., исследователя магии из окрестностей Грумблона.

Неужели пухлый свёрток, бережно обвязанный шнуром и запечатанный сургучом с оттиском фамильного перстня, затерялся в дороге, не достиг адресата? Но государство Бонегия по праву гордилось своей почтовой службой почти так же, как гордилось своим флотом, да и почтмейстер пообещал оказать всё возможное содействие в наискорейшей и наивернейшей доставке свёртка по адресу.

Значит, великий труд был доставлен. Получен. Вероятно, даже прочитан. Но – не оценён.

Вновь господину Эшлингу не повезло: он, в отличие от некоторых живописцев и скульпторов, терпевших лишения и насмешки при жизни, зато возвеличенных после смерти, не обрёл признания и сойдя в могилу.

Но как же его дотошность, как же его усердие? Господин Эшлинг гордился внимательностью к мелочам, придавая тем куда больше значения, чем они имели на самом деле. Стоило «Вестнику Волшебства» хотя бы вскользь упомянуть, что лунные затмения оказывают влияние на чародейские ритуалы, как господин Эшлинг бросался к телескопу; стоило самому господину Эшлингу где-нибудь выведать «заслуживавшую доверия информацию» (иными словами, как-либо упоминавшее магию предание, или поверье, или сказку), как он принимался проверять и перепроверять её, сверяясь со справочниками, производя расчёты, ставя опыты.

Увы, как он ни бился, ему не удалось высечь ни единой искры подлинного чародейства. За мелочами господин Эшлинг не видел главного.

Показательна была история с безъязыким хрустальным колокольчиком – фамильной реликвией Монов из «Монлинна», полученной господином Эшлингом в качестве приданого его супруги и, согласно легенде, наделённой древней магией. Господин Эшлинг преисполнился уверенности, что стоит лишь починить колокольчик, приделав ему новый язычок, – и всё сладится. Навёл справки о стеклодувном и ювелирном деле, приобрёл несколько схожих колокольчиков, образцы хрусталя, серебряные цепочки, инструменты… Теория была изучена, руки – кое-как натренированы опытами с «запасными» колокольчиками, и господин Эшлинг рискнул приступить к таинству. Однако его усилия не были вознаграждены: оказалось решительно неясно, как чинить реликвию и не сломать её при этом окончательно. Господин Эшлинг так и не сумел дать голос немому колокольчику – только добавил ему царапин. Переборов себя, посовещался с антикваром – и услышал, что колокольчик невосстановим, да и восстанавливать его нет резона: колокольчик вовсе не выглядел древним, ему было от силы четыре десятка лет – в конце прошлого века подобные безделушки как раз были весьма популярны, и именно с таким узором, поглядите-ка, милостивый господин, заместо вашего сломанного отчего бы вам не приобрести вот этот или вон тот исправные, такие же, ничуть не хуже…

Кругом обман. Кругом разочарования. И однажды упрямое сердце господина Эшлинга не выдержало груза обид.

* * *

Само собой, Альма не наследовала отцу: лишь в немногих семьях – тех, чьи корни были сидрийскими, – закон, следуя традициям Сидрии, дозволял женщинам вступать в права наследования наравне с мужчинами.

Наследником покойного господина Эшлинга должен был стать его кузен – о котором не было известно ничего, кроме того, что его дед, младший брат деда господина Эшлинга, когда-то, так же не имея оснований претендовать на наследство, в поисках лучшей доли отправился к морю, в портовый город Морирол, где сперва нанялся на корабль матросом, а затем, подрастя в звании, отслужив своё и скопив кой-какой капиталец в придачу к назначенному отцом содержанию, обосновался на суше, купил трактир, женился и произвёл на свет потомство.

Впрочем, юридическо-генеалогическими тонкостями занимались поверенные, а молодой госпоже Эшлинг было не до того.

Хотя до чего ей вообще было дело? Она не пролила над отцом ни слезинки. Не рыдала, не стонала, не заламывала руки, не падала в обморок – даже когда гроб опускали в землю. Знай себе гуляла с утра до вечера, глядя не пойми куда, – как обычно.

Слухи, утихшие давным-давно, теперь возобновились: поговаривали, молодая госпожа Эшлинг не человек. Или просто бесчеловечна.

Когда она была мала, злые языки твердили, что Альмагия Эшлинг – вовсе не Альмагия Эшлинг, а самый что ни на есть подменыш. Откуда взялись эти домыслы? Ведь ребёнок не отличался экстраординарным аппетитом, не капризничал сверх обыкновенного, даже наоборот, если уж на то пошло, был скорее тихим, чем громким. И всё же люди замечали – или верили, что замечали, – в малютке Эшлинг какую-то инаковость, чуждость.

Однако животные не чуяли в ней угрозы, никаких необъяснимых явлений или пропаж не происходило, а когда всё-таки случилось таинственное исчезновение свежих – с пылу с жару! – коричных плюшек прямо из-под носа у кухарки, то виновным, как вскорости выяснилось, оказался её же собственный сынишка-сорванец вместе с хитроумным приятелем.

Когда Альмагия Эшлинг переступила невидимую грань, отделявшую девочку от девушки, поток злословия окончательно иссяк: раз молодая госпожа не сбежала раньше, то теперь уж точно не сбежит.

Дело в том, что подменышей звал лес. Некоторые исчезали, едва научившись ходить; иные – чуть погодя. Но ни разу не бывало такого, чтобы подменыш вошёл в пору, оставшись в доме своих не родных родителей.

Во всяком случае, так гласили предания. Те предания, которые народ Бонегии давным-давно перестал воспринимать всерьёз. Но полвека назад вернулась магия – а вместе с ней вернулись страхи.

* * *

Почему Альма не лила слёз по отцу? Потому что не чувствовала горя. Она чувствовала лишь пустоту.

Пустым казался и дом – лишившийся старого хозяина и пока не обрётший нового. Альма не ощущала себя его хозяйкой, да и не была ею; до сей поры они с домом, скорее, сосуществовали, оба покорные воле господина Эшлинга. Теперь их связь исчезла.

Внешне ничто не изменилось: всё тот же полный штат слуг (слишком большой для двух господ, но господин Эшлинг упрямо содержал всё так, как было при его отце, а до того при его деде. И ежели ему вдруг казалось, что слугам нечем заняться, то он немедля придумывал

для них занятие – не важно, была в том взаправдашняя нужда или нет), всё тот же распорядок, всё та же обстановка, всё те же кушанья.

Горничные без устали хлопотали, наводя чистоту и поддерживая иллюзию жизни. Изрядная часть дома годами обходилась без хозяйского внимания, однако на мебель не опускались чехлы, призванные защитить её от пыли, ставни не захлопывались намертво, зеркала и полы не тускнели, углы не зарастали паутиной. Каждая комната оставалась жилой – или, по крайней мере, казалась таковой. «Тёмные Тисы» в любой момент были готовы принять пышную ватагу гостей – вот только некого было принимать.

Все притворялись, что всё идёт как прежде. Каждый день повторял предыдущий, «Тёмные Тисы» замерли в смутном промежутке между старым и новым.

Замерла и Альма.

Зато Джулс – бывшая гувернантка и нынешняя камеристка – плакала за двоих горючими слезами. Ей было жаль и старого господина, и молодую госпожу, и саму себя. Господин Эшлинг всегда держал полный штат прислуги – а сохранит ли заведённый порядок его наследник? Не даст ли он расчёт Джулс или Никсу?

Лакей Никс – сын дворецкого Одана – был красавцем хоть куда, и пускай иногда позволял себе замечать, как ему строит глазки младшая кухарка, гораздо больше знаков внимания оказывал Джулс. Та с замиранием сердца ждала, что всё у них сладится, что душка Никс сделает ей предложение, что молодая госпожа благословит их и, возможно, одарит перед свадьбой… Но теперь будущее было смутно. Нельзя было ожидать, можно было лишь надеяться.

* * *

Призрачный звон колокольчика. Едва различимый шорох. Или то был шёпот? В нём угадывался зов. И Альма на цыпочках заскользила по коридору.

Эта часть дома была незнакомой. Или её исказила ночная тьма?

В руках Альмы не было ни свечи, ни хотя бы лучины. И всё же она ясно видела, куда ступала. Но не дальше, чем на пару шагов вперёд. Этого хватало, дабы ни обо что ни запнуться и ни с чем не столкнуться, однако недоставало, дабы разглядеть источник звона и шёпота: он неизменно оставался чуть впереди, не исчезая, но и не приближаясь, как бы Альма к нему ни стремилась.

Коридор был подобен пещере: длинный – длиннее, чем любой коридор «Тёмных Тисов»! – и со всех сторон обволакивавший тьмой, которая могла скрывать что угодно.

Вот печальный звон перестал убегать, замер у одной из дверей. Альма толкнула тяжёлую створку. Безрезультатно – дверь оказалась заперта. Однако за ней что-то было – что-то важное, звавшее Альму, должное увидеться с ней. Что-то…

Судорожно вдохнув, Альма распахнула глаза. И тут же заслонила их рукой, облачённой в батист ночной сорочки: утреннее солнце, не встречая преград (кто только откинул занавесь балдахина и отдёрнул тяжёлые шторы?…Ах да, сама Альма минувшей ночью. Ведь так?), на мгновение ослепило её. Резкий свет ударил по глазам, выжег из памяти тьму ускользавшего сновидения.

Но подспудная тревога осталась. Незаданный вопрос, неразгаданная тайна, неведомая печаль, тенью лёгшая на душу.

Весь день Альма не находила себе места и была рассеянна сверх всякой меры: даже кабы захотела, не сумела бы припомнить, что ела на завтрак или о чём говорил ей дворецкий Одан.

Не помогла возвратить душевный покой и привычная прогулка: после завтрака погода нахмурилась, и вскоре зарядил промозглый дождь, сбивая с деревьев огненно-рыжие и алые листья, превращая тропинку в раскисшее месиво, крадя из-под одежды запасы тепла. Пришлось Альме вернуться домой.

Дома стало только хуже.

Так бывает, когда неосторожным движением коснёшься необработанной древесины или ощетинившегося иголками растения: ты уже и думать о том забыл, но вскоре в уколотом пальце начинает тлеть боль, не давая покоя и не ослабевая, а виновник боли – крохотная заноза – столь мал, что без должной сноровки его не найти ни взглядом, ни чувством, и кажется, будто болит не точка укола, а весь палец сразу.

Самой себе Альма объяснила нежданную перемену в настроении тем, что глухая, не находившая выхода тоска по отцу слегка улеглась, уступив место думам о будущем.

Будущее было смутным.

Намедни поверенный господин Бенго сообщил, что ему удалось отыскать дядюшку Альмы, нового хозяина «Тёмных Тисов» – капитана Джуриниса Эшлинга. Точнее, удалось навести справки о нём: капитан Эшлинг был в море, и ждать его возвращения стоило не ранее конца осени. Сойдя на берег и получив известие о наследстве, он наверняка вскорости прибудет в «Тёмные Тисы». Выставить Альму за порог капитан Эшлинг не сможет (откуда у неё столь мрачные мысли?..): завещание предписывало ему обеспечить ей кров и содержание вплоть до вступления Альмы в брак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.